

В. А. Гуружапов

Идеи В. В. Давыдова о единстве теории и практики обучения детей

Неоднократно повторяемый В.В. Давыдовым тезис о единстве теории и практики не был простой данью методологическим воззрениям того времени. Василий Васильевич относился к системе общего и, прежде всего, начального образования как к реальности, которую можно и нужно изменить на основе достижений фундаментальных наук о сущности высших форм сознания и мышления человека. Он считал, что младший школьник в современных условиях может оторваться от пут узкого житейского отношения к вещам и явлениям и подняться до высот теоретических обобщений, опираясь при этом на доступный ему опыт осмысления окружающей действительности. В этом заключается главное психолого-педагогическое открытие Давыдова. С этого положения начинают свои изыскания его последователи, и оно же наиболее трудно дается для понимания широким слоям педагогической общественности.

В лице В.В. Давыдова отечественная психологическая наука обрела человека, который сумел привить идею воспроизводства высших форм человеческого сознания через деятельность в месте, для этого специально не предназначенном: в обычной начальной школе. Именно здесь Давыдов претворил в жизнь известный тезис Гегеля о том, что образование есть форма принуждения человека действовать по логике абсолютного духа.

Термину принуждение в данном случае нельзя придавать обыденное рассудочное значение, поскольку что-то понять, осознать, почувствовать в сфере, где царствует логика абсолютного духа, можно самому и только самому. Это область свободы воли. Принуждение в данном случае имеет метафорический смысл и обозначает нашу открытость абсолютному духу, который побуждает нас к преобразованию себя и мира. Так художник своим произведением принуждает-побуждает нас возвыситься до прекрасного, но подняться в метафизические сферы мы можем только сами. Только собственными усилиями мы можем ощутить единство истины, добра и красоты при восприятии художественного произведения.

У нас есть возможность ощутить естественные состояния и движения духа в искусственно созданных ситуациях. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, Василий Васильевич пытался привить нам понимание этой мысли, выращенной в недрах интеллектуальной европейской традиции. Есть одна черта отечественной ментальности, которая отмечалась мно-

Виктор Александрович Гуружапов — доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, заведует кафедрой педагогической психологии факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета, с 1986 г. заведует отделом научно-методической работы и музейной педагогики в Государственной Третьяковской галерее.

Научные интересы: психология художественного развития детей, психология искусства, психология учебной деятельности, теория и практика развивающего обучения, проектирование и экспертиза образовательных технологий и сред.

Читает учебные курсы: «Психологическая теория учебной деятельности», «Введение в психологический анализ учебно-воспитательного процесса в школе», «Проектирование и экспертиза образовательных технологий и сред».

В. В. Давыдов

гими мыслителями: невосприимчивость к форме, нежелание или неумение воплощать идеи на практике. Прежде всего, это касается формализации стихийного течения социальной жизни, ограничения ее искусственными рамками (правилами, запретами, формами), внутри которых можно создавать культуру взаимодействия людей. Давыдов преодолел эту традиционную российскую черту в сфере образования.

Под его руководством были созданы программы обучения младших школьников, цель которых — развитие у детей основ теоретического сознания и мышления. Идея заключается в том, что обучение надо начинать с действий по выделению абстрактных отношений вещей, их отображению в схемах, моделях и понятиях. Затем постепенно наполнять их конкретным содержанием в соответствии с конкретными сферами деятельности: наука, искусство, этика, религия, юриспруденция, политика, экономика, то есть совершать «восхождение от абстрактного к конкретному». Это могло бы остаться простым рассуждением, если бы Давыдов не сделал еще один важный шаг — он показал, в каком типе обучения это возможно, а в каком нет.

Есть обучение, где дети усваивают знания через обобщение внешних свойств вещей, не проникая в их сущность. Каковы бы ни были при этом разнообразные и сложные методические схемы, суть их одна — это эмпирическое обобщение. В этих условиях проникнуть в суть вещей, то есть проявить способность теоретического мышления, ребенок может только случайно. Другой тип обучения — это когда ученики решают задачи, требующие от них абстрагироваться от случайных свойств вещей, проникая в сущность происхождения этих свойств, искать общий способ решения всех задач данного класса. В таком обучении разум принуждается к закономерному проявлению своих способностей, а потому развивается теоретическое мышление.

Книги Давыдова «Виды обобщения в обуче-

нии» (М., 1972), «Проблемы развивающего обучения» (М., 1986), «Теория развивающего обучения» (М., 1996) задали образец нового подхода к проектированию содержания и методов обучения на основе высокой теории. Основные курсы развивающего обучения для начальной школы созданы на основе новейших для того времени академических исследований: «Математика» (авторы В.В. Давыдов, С. Ф. Горбов, Г.Г. Микулина, О.В. Савельева) — это взгляд на арифметику как основу высшей математики; «Родной русский язык» (авторы В.В. Репкин и коллектив) — есть обучение русскому языку с позиций современной лингвистики; «Изобразительное искусство и художественный труд» (автор Ю.А. Полуянов) представляет собой организацию детского изобразительного творчества как основы, на базе которой развиваются тонкое, духовное восприятие искусства и творческое самовыражение; «Литература как предмет эстетического цикла» (авторы Г.Н. Кудина, З.Н. Новлянская) — воспроизводит высокие образцы культурного прочтения художественных текстов и общую логику литературного творчества; «Естествознание» (авторы Е.В. Чудинова, Е.Н. Букварева) — представляет собой попытку привнести в процесс знакомства детей с окружающим миром элементы научного наблюдения и эксперимента. Не все полностью соответствует научно-методическим принципам обучения и развития детей, сформулированным в теории. Но созданный прецедент заставляет авторов и проектировщиков новых учебных курсов, учебников и методических пособий стремиться к соответствию образовательной технологии конкретной теории, что стимулирует развитие образовательных технологий развивающего обучения и всего общего образования. Сам Давыдов считал, что его коллективу удалось заложить основы образовательных технологий XXI века.

Интерес Давыдова к практическому внедрению теоретических разработок в виде конкретных образовательных технологий не имеет аналогов в отечественной педагогической психологии. В кулуарах одной из многочисленных конференций обсуждалась проблема предметной диагностики теоретического мышления. Вопрос заключался в том, как на конкретном предметном учебном материале можно оценивать уровень развития теоретического мышления школьников. Василий Васильевич вспомнил тогда о своей встрече в 80-х годах с ректором Ростовского университета, известным химиком-органиком Юрием Андреевичем Ждановым. У Жданова была огромная лаборатория по технологии производства сахара. Это восхитило Давыдова. «Представляете, — говорил он, — есть более двухсот видов сахара и по каждому виду в лаборатории был свой специалист. Иначе трудно развивать технологию. Формирование ос-

Перечитывая классиков

нов теоретического сознания, наверное, не менее трудная задача, чем производство сахара. А как технологически оно обеспечено? Позор! Каждая сколько-нибудь серьезная тема в курсе математики должна быть обеспечена предметной диагностикой теоретического мышления. Это надо сделать. Вот такая перед нами стоит грандиозная задача». Из-за социальных условий Василий Васильевич так и не смог достичь удовлетворяющего его уровня решения поставленных задач, но заложенный в развивающем обучении высокий уровень технологического обеспечения позволил не только поддержать систему, но за счет ее стремительного внедрения в практику обеспечить достойной работой многих ученых и методистов, сохранить научные кадры.

В достижении поставленной цели Василий Васильевич проявлял удивительное упорство и волю. Однажды на замечание одного из своих оппонентов о том, что его теория не может быть реализована на практике, он резко парировал: «Тем хуже для практики!» И добавил: «Для современной практики».

Педагогической общественности еще предстоит осмыслить значение этого поворота в развитии общего образования. Фактически произошло освобождение от устоявшегося понимания начального образования как системы обучения чтению, письму и счету. Василий Васильевич понимал, что реализация идей ограничена конкретными социальными условиями и требует компромиссного подхода. Но с одним он никогда не соглашался, а именно с попытками выхолостить предметное содержание начального образования. Однажды при обсуждении государственных программ начального четырехлетнего обучения он заметил, что нельзя в наш век делать ставку на упрощенное

содержание образования, детям давать суррогаты культуры, если мы хотим воспитывать действительно культурных людей. Если есть трудности в усвоении содержания, то надо совершенствовать методику обучения, искать резервы психического развития детей, а не отступать назад.

Появилась новая реальность обучения, дети получили возможность свободно мыслить на уроках, вступать в дискуссию с одноклассниками и учителем. Когда на уроке математики ребенок, не обращая внимания на частности, в качестве аргумента приводит исходную формулу, которая лежит в основе решения всех задач данного класса, это есть свободное движение его мысли по идеальной форме предмета задачи. Никто не может принудить его к этому, потому что видеть идеальную форму можно только самому с высоты метафизической реальности. Пластика речи и жестов ученика в такие минуты делается удивительно выразительной. Естественность проявления волевых актов детей в этом случае поражает, но описать их пока не получается. Видимо, Давыдов это понимал. В последний год своей жизни он много ездил по стране, в основном, чтобы бывать на уроках развивающего обучения. Он был погружен в размышления, но почти ничего не рассказывал публично. Возможно, Василий Васильевич размышлял над проявлением свободы воли у маленьких детей. Он наблюдал, как ребенок, вначале не проявлявший видимой активности на уроке, затем вдруг вмешивается в дискуссию, и, совершая теоретическое обобщение, волевым усилием меняет реальность в классе. Здесь не обойтись одними рассуждениями о типах обобщения — надо анализировать соотношение сил, драму борьбы за право действовать по логике абсолютного духа. Это выходит за теоретические рамки исходного проекта и, вместе с тем, органически связано с ним. Немногие психологи могут поставить себе в заслугу открытие нового феномена. Давыдову это удалось. Теория положила начало новой практике.

